

Представления о духовных ценностях белогвардейцев (на материале песен Сибири и Дальнего Востока)

Татьяна Владимировна Краюшкина,
доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: kvtpb@mail.ru

На материале песен периода Гражданской войны, зафиксированных на территории Сибири и Дальнего Востока в 1918—1976 гг., возникших из фольклорных источников и авторской поэзии, исследуются духовные ценности в свете идеологии, которые приписываются представителями Красного движения белогвардейцам. Делается предположение об изменении архетипического принципа организации мира: под влиянием идеологических установок происходит обновление категорий *своих* и *чужих*. Было выявлено, что комплекс представлений о духовных ценностях, приписываемый белогвардейцам, диаметрально противоположен комплексу духовных ценностей красных. Основными его компонентами являются *Родина, родная земля*, на которую претендуют белые; уничтожение жизни (нарушение здоровья, целостности тела, неприкосновенности тела) представителей Красного движения и членов их семей; жизнь и семья белогвардейцев; лишение свободы, физическое насилие над пленными и казнь; частная собственность (как захват или уничтожение значимого для поддержания жизни семьи красных имущества). Ценности, которые приписывались белым в целом связаны с физическим уничтожением мира красных (с лишением территории, жизни, обеспечения жизнедеятельности). Белогвардейцам как носителям уже других ценностей отказано в праве быть *своими*. Они переходят в разряд *чужих*. Сделаны выводы об активном внедрении в народное сознание чуждых ценностей образованными представителями общества,

которые относились, как правило, к другим социальным классам. Процессы развития и взаимодействия устного народного творчества и художественной литературы активно использовались представителями Красного движения в целях внедрения новой идеологии в систему традиционных духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: фольклор, песни периода Гражданской войны, духовные ценности, свои и чужие, идеология, белогвардейцы, Гражданская война, Сибирь, Дальний Восток.

Representations of Spiritual Values of the White Guards (Based on the Songs of Siberia and the Far East).

Tatyana Krayushkina, Institute of History, Archaeology and Ethnology
of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

E-mail: kvtp@mail.ru.

Based on the songs of the period of the Civil War, recorded on the territory of Siberia and the Far East in 1918—1976 and originated from folklore sources and author's poetry, the spiritual values are studied in the light of ideology which are attributed by the representatives of the Red movement to the White Guards. The assumption is made about the change in the archetypal principle of the organization of the world: the categories "us" and "them" are renewed under the influence of ideological principles. It was revealed that the complex of representations of spiritual values attributed to the Whites is diametrically opposed to the complex of spiritual values of the Reds. Its main components are Motherland, the native land claimed by the Whites, destruction of life (violation of health, integrity of the body, inviolability of the body) of the representatives of the Red movement and members of their families, life and family of the Whites, imprisonment, physical violence against prisoners and execution, private property (the seizure or destruction of property significant for maintaining the life of the family of the Reds). The values that were attributed to the Whites generally related to the physical destruction of the world of the Reds (with the deprivation of territory, life, life support). The White Guards as bearers of already different values are denied the right to be their own. They become strangers. Conclusions are drawn about the active introduction of alien values into the people's consciousness by educated representatives of society, who, as a rule, belonged to other social classes. The processes of development and interaction of folk art and fiction were actively used by the representatives of the Red movement in order to introduce the new ideology into the system of traditional spiritual and moral values.

Key words: folklore, songs of the Civil War, spiritual values, us and them, ideology, White Guards, Civil War, Siberia, Far East.

Позднетрадиционный фольклор — явление в устном народном творчестве особенное. Позволяющий практически в режиме реального (для описываемых событий) времени отображать действительность, он вместе с тем демонстрирует и особенности взаимодействия авторского и народного слова, изменения, происходившие в сознании народа, особенности и пути трансформации традиционной системы духовных ценностей. Уникальность песен периода Гражданской войны заключается в том, что они, являясь буквально авангардным жанром, отражали и осмыслили феномен, доселе невиданный, — разделение русского народа на противоборствующие стороны, разлом в архетипическом принципе организации мира: прежние *свои* делились на *чужих* и *своих* по классовому принципу, отвергая казавшиеся ранее незыблемыми, объединяющие *своих* принципы вероисповедания, родства и Родины. Происходило создание обновлённых категорий *своих* и *чужих*, основанных на идеологическом принципе, и, соответственно, возникала необходимость обосновать причины появления нового деления русского народа на две противоборствующие части.

В традиционном сознании духовные ценности были тем инструментом, который позволял идентифицировать *своих* и *чужих*, выявлять сходства или различия в восприятии действительности. Применялся этот принцип (возможно, даже неосознанно) и во время Гражданской войны, став одним из компонентов нарождающейся идеологии. Джордан Питерсон, известный философ XXI в., характеризует идеологии следующим образом: «...это культурные нарративы, паразитирующие на религиозном, мифологическом и драматическом фундаментах культуры — древних, прошедших долгий период развития и глубоко биологических по своей природе» [14, с. 339].

Проблема взаимодействия идеологии и фольклора — одна из актуальных для российской гуманитарной науки. Историки, фольклористы, литературоведы, культурологи, религиоведы обращались к ней неоднократно. В.П. Изергина, говоря о необходимости изучения идеологической основы Белого движения, отмечает, что оно «актуально не только с точки зрения устранения „белых пятен“ в истории России XX в., связанных с событиями Гражданской войны, но и в контексте современной системной модернизации российского общества. Ведь Белое движение — не только организованное военно-политическое сопротивление советской власти, но и попытка найти пути решения широкого круга проблем, определяющих будущее России» [5, с. 27].

Ещё в 1993 г. А.С. Каргин и Н.А. Хренов поднимали вопрос о столкновении идеологии и фольклора, которое, по их мнению, «возникает в силу того, что фольклорное мировосприятие — <...> это развёртываемая универсальная картина мира, в которой человек определяет не только существующую систему координат, но и своё место и роль в этой системе, и, что не менее важно — свои парадигмы действий в этой системе. Следовательно, и на самостоятельные оценки по отношению ко всем явлениям жизни общества и государства» [6, с. 6—7]. Т.А. и Э.А. Селюковы, исследуя в 2007 г. взаимодействие традиционной песенной культуры, общества и государства, отмечают особое значение культуры: «В советской системе культура <...> несла воспитательное значение как средство насаждения идеологии» [16, с. 89]. В 2009 г. В.В. Блажес говорит об идеологическом воздействии на само устное народное творчество, которое началось в 1930-е гг.: «...советская идеология не затронула жанровую систему, поэтику традиционного фольклора, но её воздействие на фольклористику и фольклорный процесс обусловило появление научной продукции и произведений с советской тематикой, которые остались в своём времени и приобрели ценность исторического документа, требующего объективного исследования и оценки» [1, с. 234].

А.Н. Варламов (2022) делает акцент на стабильном взаимодействии идеологии и фольклора: «На различных этапах истории культурные традиции этнических сообществ оказываются подвержены воздействию государственной идеологии» [3, с. 1789]. К. Кириченко (2020), исследуя антирелигиозную частушку в периодической печати 1920-х гг., приходит к выводам о постепенном изменении *социальных чувств, жизненных ориентаций и позиций социальных групп* [7, с. 195] с помощью пропаганды. «Низкий общеобразовательный уровень пролетариата и крестьянства значительно облегчал внедрение в массы официальной идеологии» [7, с. 197].

Схожие взгляды встречаются и в исследованиях историков. О создании нарратива по истории казачества эпохи Гражданской войны на юге России в системе советской идеологии 1920—1930-х гг. рассуждает В.С. Клопихина: «...интерпретация отдельных сюжетов истории выступала в качестве генерирующего компонента советской идеологии, а она в свою очередь являлась инструментом управления массами» [10, с. 144]. Э.В. Мухаметзянова упоминает пропаганду как один из факторов, повлиявших на исход борьбы белых и красных [12, с. 84]. Таким образом, исследователи выделяют противостояние идеологии и фольклора, использование фольклора в идеологических

целях, насильственное вмешательство в формирование фольклорного фонда, создание с помощью устного народного творчества лояльности общества. Всё это говорит о существенной роли фольклора в формировании мировоззрения, о его значимости в закреплении и трансляции идеологии.

Однако представления о духовных ценностях белогвардейцев, транслируемых в песенном фольклоре Гражданской войны, ранее подробно не рассматривались. В этом состоит новизна предпринятого исследования. Его цель — выявление комплекса духовных ценностей, которые приписывались белогвардейцам представителями Красного движения. Следующие задачи обусловлены обозначенной целью: выявить компоненты комплекса духовных ценностей, определить особенности формирования новых представлений о *своих* и *чужих* и их роли в идеологии нарождающегося общества.

А.Н. Варламов, исследуя идеологические трансформации в фольклоре эвенков в 20—60-х гг. XX в., отмечает: «Жанром устного народного творчества эвенков, в котором черты эпохи социалистического строительства обнаруживаются в наибольшей степени, оказалось песенное творчество» [3, с. 1792]. В русском устном народном творчестве также именно песенный жанр оказался наиболее отзывчивым на происходившие в 1918—1922 гг. события. Поэтому материалом исследования были выбраны песни периода Гражданской войны. В числе 345 проанализированных текстов [13; 18; 19] выявлено 93 песни, где представлены образы белогвардейцев. Песни зафиксированы в 1918—1976 гг. на территории Бурятской АССР, Амурской, Иркутской, Новосибирской, Томской, Читинской областей, Алтайского, Красноярского, Приморского и Хабаровского краёв. При этом песен, записанных непосредственно во время Гражданской войны, — 17.

Необходимо учитывать тот факт, что данные произведения представляют собой не только переделки распространённых ранее народных песен или песен, посвящённых минувшим войнам, значительное их количество имеет основой авторскую поэзию. У 28 песен из 93 (а это 30%), которые послужили материалом для данной статьи, авторы определены. В их числе великие русские (например, М.Ю. Лермонтов) или зарубежные (Ф. Фрейлиграт) поэты XIX в., известные на Дальнем Востоке поэты, бывшие очевидцами Гражданской войны (Костя Рослый, В. Кручина, Г.Я. Отрепьев), или самобытные поэты, непосредственные участники военных событий (в их числе партизаны Ребров-Денисов, М.В. Лощенков, Георгий Сараев, а также авторские коллективы: например, песня «Алханайская

партизанская» «сложена в конце 1918 г. партизанами отряда П.А. Аносова» [11, с. 272]). Структура текстов позволяет предположить, что песен с авторской основой больше, но на данный момент авторство первоисточников не установлено. Эти сведения весьма значимы для понимания влияния идеологических установок, которые содержались в песнях исследуемого периода. Речь идёт об активном внедрении в народное сознание чуждых ценностей образованными представителями общества, которые относились, как правило, к другим социальным классам. Усвоение объясняется не только потребностью части народа в подобном изменении, но и в неспособности комплекса традиционных ценностей противостоять новым вызовам.

Одной из значимых духовных ценностей является *Родина, родная земля*. Она завоёвывается или освобождается, захватывается или продаётся. То есть в песнях периода Гражданской войны поднимается следующий вопрос: кому принадлежит родная земля, выступающая камнем преткновения интересов белых и красных. Присущие традиционному фольклору представления о земле как о живом существе, отождествление земли и человека [9, с. 27] в данных текстах выявлены не были; всё внимание сосредоточено на своей земле, а представления о чужой земле, встречавшиеся, например, в сказках, исторических песнях [8, с. 4], для исследуемого материала не характерны. Земля уже воспринимается иначе — как собственность.

Чаще всего в исследуемых песнях говорится о дислокации, взятии населённого пункта или территории: *Пришли Колчаковцы, пришли интервенты / И взяли на время Восток* [13, с. 179]; сообщается и о конкретном населённом пункте: *Капитан стоял Арсентьев / В Онон-Борзинском селе / Со своим отрядом белых* [13, с. 238]; *Во селе Мухоршебиле, / Где колчаковцы стоят* [13, с. 197]. Ещё одной темой, связанной с родной землёй, является освобождение территории от белых: *Прогоним всех мы атаманов* [13, с. 93]; *Велит тайга <...> с белыми вступивши в драку, / Из города их выгнать вон* [13, с. 123]. При этом красные осуществляют задуманное — отправляются отбивать у белых населённый пункт: *Семеновцы Ганзурино заняли / Задача была отбивать, / Мы в ночь три отряда собрали / И с флангов пошли наступать* [13, с. 166]; *По деревням весть промчалась: / Занят белыми Иман! / Снарядившись, в лес собралась / Группа смелых партизан* [13, с. 183].

Природные объекты как местоположение белых упоминаются реже. При этом природный объект оценивается как огневая точка: *А горы крутые скалисты, / Вдали вершины в облаках, / А там казаки-офицеры / Сидят с винтовками в руках* [13, с. 205].

По мнению красных, белогвардейцы не имеют отношения к родной земле, не имеют и права на неё. Родная земля принадлежит красным, потому что за неё заплачена высокая цена: *Край пролетарский, кровью залитый, / Надо очистить от армии белой* [13, с. 59]. Свобода родной земли связана с отсутствием на ней белогвардейцев: *Предателей желтых и белых орда / Уйдет из свободного края* [13, с. 243]. Любопытным представляется, что на русской земле вообще нет места белым: после победы красных *в море шлепнется барон* [13, с. 152].

В песнях очевидно диаметрально противоположное отношение красных и белых к продаже Русской земли. Значимым оказывается, что инициатива по продаже родной земли принадлежит *продавцам*, а не *покупателям*: *Колчак — палач кровавый — / Русью торговал* [13, с. 221]. В системе представлений, которая приписывается белогвардейцам, это обычная практика, ведь за проданную Родину предлагается денежное вознаграждение:

*Союзные наши «друзья»
Туго набьют вам карманы.
Вам, продающим Сибирь,
Хищной, кровавой рукою* [13, с. 60].

Родная земля обещается интервентам. Делается следующий акцент: земля отдаётся вся (*Семёнов отсулил все Забайкалье* [13, с. 111]), продаётся оптом (*А продажна бела банда / Россию оптом продает* [13, с. 152]), рвётся на части (*Хотя вы все вместе недавно делили / Сибирь всю на части, как овцу шакал* [13, с. 234]). Обращает на себя внимание, что осуществляется торговля всей территорией России или её значительными по площади регионами.

Белогвардейцам приписывается не только продажа, но и не менее постыдное — оставление своей земли. И происходит это как бегство от противника — красных. Подобное действие изображено с насмешкой: *проклятый Семенов Оставил Читу и Даурию, / А сам за границу бежал* [13, с. 226]; *Пулей дуют на восток, / Все пустились наутек* [13, с. 118]. Однако подобное действие большевика рисуется без осуждения, напротив, вызывает одобрение: *большевик от семеновских тиранов / Из деревни убежал* [13, с. 110].

Удержание территории белогвардейцами осуществляется дорогой для красных ценой — физической расправой над партизанами. В песнях, где возникает эта идея, появляется образ нагайки. Она — единственное, что сдерживает народ:

*Нагайка, ты нагайка,
Тобою лишь одной
Семеновская шайка
Сильна в Чите родной [13, с. 230].*

Ещё более жестокое средство усмирения восставших — уничтожение их населённых пунктов. Причём речь в этом случае идёт исключительно о сёлах. Именно их сжигают белогвардейцы: *И вокруг наши села пылают / То каратель Хмелев / Усмиряет народ [13, с. 88].* О поджоге городов в песнях не говорится.

Ещё одной ценностью в традиционном сознании является жизнь (и сопутствующие ей ценности — здоровье, целостность тела, неприкосновенность тела). В системе ценностей, которая приписывается белогвардейцам, представлена противоположная ей ценность — уничтожение жизни (нарушение здоровья, целостности тела, неприкосновенности тела) представителей Красного движения и членов их семей. Чаще всего в песнях анализируемого периода говорится о причинении вреда жизни и здоровью представителей Красного движения или народа (обобщённо). В песнях упоминается и о тяжёлых ранах, от которых гибнет командир (*Получил большую рану / От Колчака на груди [18, с. 171]*) или партизан (лишившийся ноги и руки и ожидающий смерти герой пишет родным: *Не плачьте вы, родные, / Я раненый лежу [13, с. 199]*), и о массовой гибели в бою (*А в бою мы потеряли / Сорок восемь молодых [19, с. 211]*). Показательно, что представлена массовая гибель людей молодых и беззащитных: *Там свищут кадетские плети, / Сверкает отточенный штык. / И падают люди рядами, / Подкошенной юности цвет. / В глубокие общие ямы, / В могилу, где имени нет [13, с. 109].*

Затрагивается в песнях периода Гражданской войны и такая проблема, как причинение вреда беззащитным семьям партизан. Удары плётки достаются и старикам, и женщинам, и детям: *Как была [плётка] старцев, матерей, / Как разбивала хлестко, смело / Головки маленьких детей [13, с. 230].* Речь идёт и об убийствах:

*Словно звери оголтелы,
На семейства партизан —
Обыск, аресты, расстрелы
Проявляли они там [13, с. 238].*

В одной из песен красочно изображена сцена, где жена партизана наказывается белогвардейцами за поддержку советской власти.

Врывается шайка бандитов,
 Хватает за горло жену:
 — Какой подчиняешься власти?
 «Советской!» — «Советской?» — «Ведите в тюрьму!»
 — Помилуйте, что же такое,
 За что такой дикий кошмар?
 Но вместо ответа на это
 Последовал тяжкий удар [13, с. 232].

Колчаку и Семёнову приписывается такое страшное преступление, как насилие над женщинами: *И жен их, сестер, матерей он [Семёнов] поганил* [13, с. 232]; *Жен и девок наших, хамы, / Оскверняли без стыда* [13, с. 117]. Насилие над родственницами партизан имеет целью причинение вреда и мужчинам — представителям Красного движения: *И такой издевки, срама / Не забудем никогда* [13, с. 117]. Насилие над женщинами — наряду с разрушением дома — непременно будет отомщено (*Отомстим за жен, за хаты, / За поруганную честь* [13, с. 117]).

В песнях периода Гражданской войны белые однозначно отнесены к группе чужих, поэтому и убийство ими красных, и заслуженная смерть белых представлены уже на уровне констатации. Но в фольклорном фонде существует сюжет, который не воспринимается столь однозначно, поскольку связан с разрушением кровных уз. Старший и младший братья после разорения родительского дома делают противоположные выборы: один присоединяется к красным, другой — к белым; встречаются на поле боя. По сути, речь идёт о столкновении ценностей и об окончательном выборе в Гражданскую войну:

*И сошлись два брата врагами,
 И узнали друг друга они.
 Младший молвит: «Ты белым солдатом.
 Ваш девиз — грабежи и расстрел!
 Не зову тебя больше братом»* [13, с. 211];
*Старший молвил: «Ты — белым бандитом,
 Ваш девиз был насилье, расстрел,
 Не зову я тебя больше братом»* [13, с. 212].

Очевидно следующее: в столкновении двух доминант — политической и семейной принадлежностей — в частном сознании побеждает новая доминанта. Не один брат поднимает руку на другого (чаще — младший на старшего, в чём ещё очевидно и разрушение семейной иерархии, и отголосок библейского сюжета о Каине и Авеле), а белогвардеец убивает

красного. Показательно, что первым как на врага реагирует на брата именно красный. Причиной его гибели служит, скорее, собственная нерасторопность: *И винтовку он взял на прицел. / Но курок нажимал он несмело* [13, с. 212]. В результате белогвардеец стреляет или вонзает штык первым: *Младший брат вдруг винтовку схватил. / Совершилось ужасное дело — / Младший старшему сердце пронзил* [13, с. 212].

При этом народное сознание в песне доминирующим началом считает именно семейные узы, потому что герои называются в финале песни *старшим* и *младшим*, а не *красным* и *белым*. И убийца раскаивается — раскаивается как братоубийца, а не как белогвардеец:

*Он стоит, точно Каин, преступник,
Старший брат перед ним умирал,
Этот Каин, свободы отступник,
Безутешно над трупом рыдал.
Ты не лей, брат, горячие слезы,
Труп холодный тебе не согреть* [13, с. 213].

Меньшее внимание уделяется в песнях анализируемого период такой ценности, как жизнь белогвардейцев. Пожалуй, самым ярким примером является песня «Путь-дороженька широкая лежит», где представлена группа ценностей, которых лишатся белогвардейцы:

*Не сносить вам всем головушки,
Не видать и своих женушек,
И детишек-сиротинушек,
И не хватит у вас силушки
С Красной Армией войну вести
И удары партизан снести* [13, с. 120].

Белые уничтожаются в бою (*Скоро, скоро мы в атаку перейдем, / Белых супостатов перебьем* [13, с. 76]) или — реже — подвергаются физическому насилию, причём происходить это может даже со стороны слабой половины человечества (*Бабы, в руки вам мутовки, — / Все тузите беляков, / Колчаковских подлецов!* [13, с. 39]). Хотя бывает совмещение первого и второго:

*Белу сволочь ловим, бьем,
Шашками, пулями, штыками,
Прикладами и кулаками* [13, с. 120].

Особое место в песнях периода Гражданской войны отводится лишению свободы, физическому насилию над пленными и казни. При этом делается акцент на массовых убийствах, издевательствах, пленении народа: *Много нас он [Колчак] перевешал, / Много в тюрьмах погноил, А из спин ремней порезал, / В водах мутных утопил* [13, с. 116—117]. Роли в этих песнях распределены весьма однозначно: белые представлены мучителями, а народ и представители Красного движения — безвинными жертвами:

*Всю ночь кровопийцы водили
Несчастный народ под арест,
А утром расстрелом картечи
Тяжелый достался им крест* [13, с. 231].

Показательно, что причина лишения свободы не указывается, пленение же транслируется как незаконное, как проявление особой жестокости белых. Так, погибшие представители Красного движения могли бы рассказать *про зверства и пытки, / Про тюрем сырых тишину. / Про все бесполезные к бегству попытки / В колчакском жестоком плену* [13, с. 193]. В плен попадают не только партизаны, но и члены их семей, беззащитные старики: *атаманы И отца, и мать измученных, / Отступая, увели* [13, с. 210]. А.Г. Тепляков отмечает: «...преувеличение масштабов белого террора играет существенную роль в попытках оправдать большевистский эксперимент, показывая его основных врагов варварами, чья власть была бы заведомо хуже советского режима» [17, с. 60].

Тайная казнь — ещё одно подтверждение незаконности ареста: *Потом у горы их расстреливал тайно / И трупы убитых в снегу хоронил* [13, с. 234]. Д.М. Бычков отмечает: «В мире перевернутых смыслов и ценностей темнота для персонажей революционного сознания связывалась с прошлым, в финале [пьесы Л. Улицкой «Семеро святых из деревни Брюхо»] наступающая темнота в концепции автора ассоциируется с будущим, с атеистической эпохой и породившим её атеистическим сознанием» [2, с. 184]. Возможно, по схожей идее в рядах белых оказываются священники, которые причисляются красными к рядам холопов царевых [13, с. 59], ими обманут был мир [13, с. 161], им приписывается продажность за деньги [13, с. 111]. Не случайно именно священник вступает в диалог с одним из пленников, которых вот-вот лишат жизни. В этой песне священника представители Красного движения лишают человеческой сущности:

*И в ризе с крестом поп из круга к ним вышел.
— Покайтесь, — сказал он и глянул, как зверь, —
Молитесь, чтоб бог вас на небе услышал,
Пред нами ж откройте всю душу теперь [13, с. 161].*

Пленение народа и избиение позиционируются как ценности Белого движения (*Колчак несет тюрьму и кнут [13, с. 62]*). Тюрьма, тюремные паровозы становятся символами ужаса: в железном вагоне, который в песне именуется *калмыковской тюрьмой, Всегда ужас, жуть и стон, / Звон цепей и свист нагаек, / Шомполов и шашек звон [13, с. 242]*; паровоз *всем заключенным <...> гибель сулил [13, с. 234]*; *Весь Нерчинск за участь тюрьмы трепетал [13, с. 234]*.

В традиционном сознании плен — тяжкое и позорное наказание, в то время как смерть в бою считалась почётной для воина. Показательно, что о пленении рядовых представителей Белого движения, их пытках и казни в песнях не говорится (если воспринимать тексты буквально, исключая возможность метонимии). Пленение — страшная угроза руководителям Белого движения, ожидаемая месть за мучение народа. Смерть как возмездие ожидает в плену Колчака: *Попадет к нам в полон, / Не минует смерти он [13, с. 118]*; *Разобьем всю сволочь белых, / В плен возьмем мы Колчака [13, с. 117]*. За пленом непременно последует суд:

*Попадет Белоголовый,
Попадет к нам в плен Рубцов.
Будет суд у нас суровый
Для подобных подлецов [13, с. 72—73].*

Говорится в песнях и о безымянных руководителях. Так, в одной из песен описывается отступление белых, в результате которого в плен попадает их атаман: *Один из них попался, / Сам грозный атаман [13, с. 93]*. Его плен оправдан, а суд происходит по закону военного времени:

*— Скажи, беляк проклятый,
Сколь душ ты загубил?
Скажи, про то все знают,
Как мужиков ты бил? [13, с. 93]*

Незначительное место в системе духовных ценностей отведено частной собственности. Поскольку анализируемые песни

отражают преимущественно крестьянскую картину мира, то и речь в них идёт о значимом для поддержания жизни семьи имуществе, связанном с физиологическими потребностями. В системе духовных ценностей, которая приписывается белогвардейцам, проявляются три действия с частной собственностью. Значимым оказывается, что это чужая для белогвардейцев собственность. Во-первых, уничтожение. Самым популярным действием с собственностью является поджог: *Наши села жгли* [13, с. 221]. Сгорают не только жильё, но и личные вещи крестьян, семей красных: *Жгли дома наши, пожитки* [13, с. 117]; *Дом и все у нас сожгли* [13, с. 209], вместе с жильём сгорают и запасы продовольствия: *В Орлеане [село в Алтайской губернии] пылали / Скирды и жилища людей* [13, с. 231]. Последствия поджога не менее страшны:

*Дотла разрушенные хаты,
Приюта нет для наших жен, —
Их гонит вон сосед богатый,
Белогвардеец гонит вон* [13, с. 123].

Уничтожают и другие виды частной собственности, лишая людей пропитания: *топчут жито* [13, с. 163]. Обращает на себя внимание следующее: вину в поджоге имущества приписывают руководителям: атаманам, Колчаку, Семёнову, Хорвату, тем самым снимая ответственность с рядовых исполнителей. А вина меньшего порядка уже возлагается и на рядовых белогвардейцев.

Во-вторых, присвоение чужого имущества. В анализируемых текстах прямо называется действие — *грабёж*: Семёнов *Тащил, что попало, повсюду он грабил, / Что лучше в селах — с собой забирал* [13, с. 232]. Приём конкретизации (например, упоминание в действительности существовавшего населённого пункта) способствовал восприятию описываемого в песне события как реально происходившего:

*Есть у Байкала деревня,
Шибирью зовется давно,
Семеновцы всю раззорили
Пограбили наше добро* [13, с. 226].

Грабят и после того, как сжигают сёла. Так, в популярной песне «Два брата» говорится о семье, которая до начала Гражданской войны жила в достатке:

*Во селеньи, в крестьянской избушке
Жили мирно два брата с отцом.
Уважали их все в деревушке,
И хозяйством был полон их двор [13, с. 210].*

Но приходит война, село сжигают, а оставшееся ценное для крестьянина имущество грабят: *Отобрали коня и корову [13, с. 210]; Отобрали коровку, лошадку [13, с. 211]; Увели со двора и лошадок [13, с. 212]; Отобрали коров и лошадок [13, с. 213].*

В-третьих, оставление награбленного. Стоит отметить, что это весьма редкий мотив, превалирует в проанализированных текстах именно поджог и грабёж, т.е. действия устрашающие, а не вызывающее насмешку бегство и оставление награбленного, когда сохранение собственной жизни для белогвардейцев оказывается более ценным:

*Недолго они пировали,
Устроили им тут обед,
Награблено все побросали,
Пустился быстренько в бег [13, с. 236].*

Ещё одна ценность, о которой часто говорится в песнях периода Гражданской войны, — свобода. Представляется, что именно свобода и оказывается самой значимой ценностью (в сравнении с прочими), с ней взаимодействуют и перечисленные выше. Поскольку проанализированные песни транслируют позицию красных, то всё внимание в них сосредоточено на добывании, возвращении, отстаивании свободы, которую отобрали у них белые. Таким образом, ценностью белых является противоположное — лишение красных свободы, сосредоточение свободы красных в руках белых. Борьба, различные боевые действия, которым так много уделено внимания в проанализированных песнях, являются единственным способом достижения свободы: *Пора за свободу пробиться, / Без жалости бить палачей [13, с. 33]; Большими полками собрались / Красных отважная рать, / И долго потом все сражались, / Чтоб свободу свою отстоять [13, с. 74].*

Встречаются и песни, где свободе сопутствуют другие ценности: партизаны, устремляясь в бой, *Счастье, свободу народу / Под знаменем красным несут [13, с. 108]; Забайкалье все восстало / За свободу и за власть [13, с. 167—168]; народу Удалось купить свободу, / Счастье и покой [13, с. 221—222]; Зачем же ты топшишь в народной крови / Святой идеал и свободу? [13, с. 61]; За крестьян, рабочих право, / За свободу и любовь [13, с. 242].*

Белые посягают как на частную свободу, так и на свободу общую, при этом вторая (в глазах красных) обладает большей значимостью. Встречается в песнях (причём крайне редко) акцент на предательстве руководителями Белого движения интересов (а значит, и ценностей) народа:

*Бейтесь с Семеновым, этим Иудой
Народной свободы и счастья, и прав,
Он только лишь сила буржуйной причуды...
Губить неповинных — таков его нрав [13, с.170].*

За свободу принимаются / отдаются другие ценности, причём общественное доминирует над частным. Жизнь отдельного бойца менее ценна, чем свобода целого народа. Поэтому так спокоен боец, которого ведут на казнь белые. Показательно, что частная свобода и даже жизнь стоят меньше, чем приверженность ценностям красных:

*И если бы мне вы сулили свободу,
Чтоб я изменил убежденья свои,
Я дар бы отверг. Трудовому народу —
Все силы, все думы, все грезы мои! [13, с.161]*

Продолжительное лишение свободы, сопровождаемое пытками, описывается как самое страшное: *Состав его был: вагон из бетона, / Обитый железной броней кругом, / С утра и до вечера слышались стоны / И вопли борцов за свободу на нем [13, с. 234]; героя замучил за свободу / Калмыков-палач [13, с. 224].*

В исследованном материале выявлено две песни, в которых говорится о призыве или переходе белых в ряды красных. Именно тот или иной набор ценностей и становится маркером, разделяющим русский народ на два противоборствующих лагеря. Тексты эти свидетельствуют о перемене ценностей на противоположные, с «неправильных», с точки зрения представителей Красного движения, на «правильные». И основой смены ценностей является как раз переход на сторону противника. Первая песня связана с агитацией. Партизаны призывают рядовых (и это непереманный признак) белогвардейцев разобраться в вопросах:

*Опомнись, товарищ! Что делаешь, брат?
Скажи нам, в кого ты стреляешь?
Кто искренний друг твой, кто злейший враг?
Наверно, и сам ты не знаешь? [13, с. 60]*

Красные оправдывают белогвардейца тем, что тот *силой на службу военную взят* [13, с. 61]. А родственные узы между красными и рядовыми белыми не прерывались (именно поэтому в песне возникает апелляция к образу *нашей общей великой семьи* [13, с. 61], сыном которой остаётся белогвардеец). С рядового представителя противоположного лагеря снимается ответственность за страшные злодеяния: *И деспот наш общий — кровавый Колчак — / В крови обагрил твои руки* [13, с. 61]. В песне ставится вопрос и делаются выводы: *За что же ты льешь нашу братскую кровь? / Скажи нам скорее, товарищ, / За счастье наших презренных врагов / Ты братьев своих убиваешь!* [13, с. 61]. При этом мнение самого рядового белогвардейца представителей Красного движения не интересует, тот будто лишён права на собственную политическую позицию.

В финале песни содержится очевидный агитационный призыв перейти на сторону красных и *разрушить гнет Колчака*:

*Довольно нам рабства, плетей и оков!
Тебя мы к себе призываем.
Свой штык поверни на вампиров-врагов,
Твой подвиг мы все ожидаем* [13, с. 61].

Данный текст свидетельствует о том, что приверженность «неправильным» ценностям, ценностям противоположного лагеря нестабильна, а переход на сторону красных осуществляется с одновременной сменой ценностей.

Вторая песня посвящена переходу белых к красным. Инициаторами в этом случае являются рядовые представители Белого движения, от их лица и ведётся повествование. В песне показаны причины (они кроются как раз в смене ценностей) перехода на сторону красных. И начальной причиной является запугивание красными, позиционирование их как врагов (*Большевиками все пугали, / Надоело это нам* [13, с. 103]). Затем говорится о преимуществе военной силы отрядов Журавлёва, о жалости к своим, потребности сберечь их жизни: *И во всех боях опасных / Доставалось плохо нам* [13, с. 103]. Не вызывали доверия и руководители Белого движения, именуемые в песне *офицерами-подлецами*. Так возникает идея переворота. Бывшие белые исподтишка убивают своё командование и представителей другого народа, *чтобы с красными не драться* [13, с. 103]:

*Те шестнадцать офицеров,
Что на красных нас вели,*

*В ту же ночь, беде не веря,
Все убитыми легли.
Из харчинов всей команды
Восемнадцать мы убили,
Остальных из ихней банды
Мы живыми захватили [13, с. 104].*

Т.А. Голованева и А.Г. Игумнов, исследуя исторические предания коряков, высказывают следующую мысль: «Поразительно, насколько влияет жанр на оценочные высказывания рассказчика. Русский мир, который в исторических преданиях изображается как абсолютное зло, в автобиографических рассказах является частью своего мира» [4, с. 121]. Эта идея в полной мере относится и к песням периода Гражданской войны: белые как носители противоположных красным ценностей представлены абсолютным злом. Не последнее место в формировании подобных представлений отведено такому явлению, как фольклоризация авторских текстов, которые, активно внедряясь в фольклорный фонд, участвовали в формировании весьма однозначных — жёстких и безоговорочных — представлений о белогвардейцах и их ценностях, которые воспринимались как диаметрально противоположные ценностям красных. Белогвардейцам как носителям уже других ценностей отказано в праве быть *своими*, быть частью русского народа. Они однозначно *чужие*. Ценности, которые приписывались белым, в целом связаны с физическим уничтожением мира красных (с лишением территории, жизни, обеспечения жизнедеятельности). Поэтому высказывание А.С. Пученкова *о Гражданской войне как о незаживающей ране «нашего общества»* [15, с. 36] представляется верным.

Из обозначенного выше следует, что процессы развития и взаимодействия устного народного творчества и художественной литературы активно использовались представителями Красного движения в целях внедрения новой идеологии в систему традиционных духовно-нравственных ценностей. На протяжении последующих десятилетий в идеологических целях задействовалась ещё одна особенность фольклора: формирование картины мира недавнего прошлого, воспринимаемой как полной и единственно достоверной. Так песни периода Гражданской войны помогали корректировать историческую память об отверженной части русского народа в нужном для идеологов советского общества ключе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Блажес В.В. Советская идеология и фольклор // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 1. С. 220—234.
2. Бычков Д.М. Судьба праведника в зеркале революции: опыт репрезентации пореволюционного бытия в современной русской драматургии // 1917 год в судьбах народов России: сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. / отв. ред. И.В. Фролова. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2017. С. 180—185.
3. Варламов А.Н. Идеологические трансформации в фольклоре эвенков в 20—60-х гг. XX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 6. С. 1789—1795.
4. Голованева Т.А., Игумнов А.Г. Изображение русских в корякских исторических преданиях и автобиографических рассказах // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10-2. С. 114—122.
5. Изергина В.П. Православный компонент в идеологии Белого движения в России // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2011. № 4 (16). С. 27—32.
6. Каргин А.С., Хренов Н.А. Фольклор и кризис общества. М.: Государственный центр русского фольклора, 1993. 162 с.
7. Кириченко К. Антирелигиозная частушка в периодической печати 1920-х гг. // Церковный историк. 2020. № 1 (3). С. 192—198.
8. Киселева М.С. Языческие и христианские представления о земле в фольклоре и древнерусской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 26 с.
9. Киселева М.С. Языческие и христианские представления о земле в фольклоре и древнерусской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2012. 217 с.
10. Клопихина В.С. Создание нарратива по истории казачества эпохи Гражданской войны на юге России в системе советской идеологии 1920—1930-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 135—147.
11. Комментарии // Героическая поэзия Гражданской войны в Сибири / сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. С. 249—330.
12. Мухаметзянова Э.В. Отражение идеологических установок «белых» и «красных» в плакатах периода Гражданской войны // Научные горизонты. 2020. № 10 (38). С. 83—89.
13. Песни // Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. С. 30—248.
14. Питерсон Дж. За гранью порядка: ещё 12 правил жизни. Пер. с англ. А. Илюшенко, О. Лаврентьевой, Е. Баумгертнер, Э. Попонниковой; науч. ред. А. Икрамов. М.: Арго, 2021. 400 с.
15. Пученков А.С. Размышляя о Гражданской войне // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 33—37.
16. Селюкова Т.А., Селюков Э.А. Традиционная песенная культура, общество и государство // Музыка изменяющейся России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / гл. ред. М.Л. Космовская, отв. ред. В.А. Лаптева,

- Л.А. Ходыревская. Курск: Курский государственный университет, 2007. С. 85—89.
17. Тепляков А.Г. Белый террор в современной историографии: традиционная мифология против попыток переосмысления // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сб. науч. трудов. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2022. С. 58—74.
 18. Фольклор Дальнеречья / сост. Л.М. Свиридова. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1986. 288 с.
 19. Фольклор казаков Сибири / сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО РАН, 1969. 364 с.

REFERENCES

1. Blazhes V.V. Sovetskaya ideologiya i fol'klor [Soviet Ideology and Folklore]. *Sovetskoe proshloe i kul'tura nastoyashchego: monografiya: v 2 t.* [Soviet Past and Culture of Present: Monograph: In 2 Volumes]. Executive ed. N.A. Kupina, O.A. Mikhaylova. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2009, vol. 1, pp. 220—234. (In Russ.)
2. Bychkov D.M. Sud'ba pravednika v zerkale revolyutsii: opyt reprezentatsii porevol'yutsionnogo bytiya v sovremennoy russkoy dramaturgii [The Fate of the Righteous in the Mirror of the Revolution: The Experience of Representing Post-Revolutionary Life in Modern Russian Dramaturgy]. *1917 god v sud'bakh narodov Rossii: sb. mat. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uch.* [1917 in Fates of Peoples of Russia: Proceedings of All-Russian Applied Science Conference with International Participation]. Executive ed. I.V. Frolova. Ufa, Bashkirskiy gos. un-t Publ., 2017, pp. 180—185. (In Russ.)
3. Varlamov A.N. Ideologicheskie transformatsii v fol'klоре evenkov v 20—60-kh gg. XX v. [Ideological Transformations in the Folklore of the Evenks in the 1920s—1960s]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022, vol. 15, no. 6, pp. 1789—1795. (In Russ.)
4. Golovaneva T.A., Igumnov A.G. Izobrazhenie russkikh v koryakskikh istoricheskikh predaniyakh i avtobiograficheskikh rasskazakh [Depiction of Russians in Koryak Historical Traditions and Autobiographical Stories]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 10-2, pp. 114—122. (In Russ.)
5. Izergina V.P. Pravoslavnyy komponent v ideologii Belogo dvizheniya v Rossii [The Orthodox Component in the Ideology of the White Movement in Russia]. *Gumanitariy: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya*, 2011, no. 4 (16), pp. 27—32. (In Russ.)
6. Kargin A.S., Khrenov N.A. *Fol'klor i krizis obshchestva* [Folklore and the Crisis of Society]. Moscow, Gosudarstvennyy tsentr russkogo fol'klora Publ., 1993, 162 p. (In Russ.)
7. Kirichenko K. Antireligioznaya chastushka v periodicheskoy pečatni 1920-kh gg. [Anti-Religious Ditty in the Periodical Press in the 1920s]. *Tserkovnyy istorik*, 2020, no. 1 (3), pp. 192—198. (In Russ.)
8. Kiseleva M.S. *Yazycheskie i khristianskie predstavleniya o zemle v fol'klоре i drevnerusskoy literature: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Pagan and Christian Ideas about the Earth in Folklore and Old Russian Literature: PhD Abstract in Philology]. Ulan-Ude, 2012, 26 p. (In Russ.)

9. Kiseleva M.S. *Yazycheskie i khristianskie predstavleniya o zemle v fol'klore i drevnerusskoy literature*: dis. ... kand. filol. nauk [Pagan and Christian Ideas about the Earth in Folklore and Old Russian Literature: PhD in Philology]. Vladivostok, 2012, 217 p. (In Russ.)
10. Klopikhina V.S. Sozdanie narrativa po istorii kazachestva epokhi Grazhdanskoy voyny na yuge Rossii v sisteme sovetskoj ideologii 1920—1930-kh godov [Creation of Narrative on the History of the Cossacks during the Civil War in the South of Russia in the System of Soviet Ideology in the 1920s — 1930s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, series 4: “Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya”, 2019, vol. 24, no. 4, pp. 135—147. (In Russ.)
11. Kommentarii [Comments]. *Geroicheskaya poeziya Grazhdanskoy voyny v Sibiri* [Heroic Poetry of the Civil War in Siberia]. Comp. by L.E. Eliasov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, pp. 249—330. (In Russ.)
12. Mukhametzyanova E.V. Otrazhenie ideologicheskikh ustanovok «belykh» i «krasnykh» v plakatakh perioda Grazhdanskoy voyny [Reflection of the Ideological Attitudes of the “Whites” and “Reds” in the Posters during the Civil War]. *Nauchnye gorizonty*, 2020, no. 10 (38), pp. 83—89. (In Russ.)
13. Pesni [Songs]. *Geroicheskaya poeziya grazhdanskoy voyny v Sibiri* [Heroic Poetry of the Civil War in Siberia]. Comp. by L.E. Eliasov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, pp. 30—248. (In Russ.)
14. Piterson Dzh. *Za gran'yu poryadka: eshche 12 pravil zhizni* [Beyond Order: 12 More Rules for Life]. Translated from English by A. Ilyushenko, O. Lavrent'eva, E. Baumgertner, E. Poponnikova; Ed. by A. Ikramov. Moscow, Argo Publ., 2021, 400 p. (In Russ.)
15. Puchenkov A.S. Razmyshlyaya o Grazhdanskoy voyne [Reflecting on the Civil War]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*, series: “Gumanitarnye i sotsial'nye nauki”, 2020, no. 4, pp. 33—37. (In Russ.)
16. Selyukova T.A., Selyukov E.A. Traditsionnaya pesennaya kul'tura, obshchestvo i gosudarstvo [Traditional Song Culture, Society and State]. *Muzyka izmenyayushcheyasya Rossii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Music of Changing Russia: Proceedings of All-Russian Applied Science Conference]. Ed. by M.L. Kosmovskaya, executive ed. V.A. Lapteva, L.A. Khodyrevskaya. Kursk, Kurskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2007, pp. 85—89. (In Russ.)
17. Teplyakov A.G. Belyy terror v sovremennoy istoriografii: traditsionnaya mifologiya protiv popytok pereosmysleniya [The White Terror in Modern Historiography: Traditional Mythology vs. Rethinking Attempts]. *Grazhdanskaya voyna v Rossii: problemy vykhoda, istoricheskie posledstviya, uroki dlya sovremennosti*: sb. nauch. trudov [The Civil War in Russia: Problems of Withdrawal, Historical Consequences, Lessons for Contemporaneity: Collection of Scientific Papers]. Novosibirsk, In-t istorii SO RAN Publ., 2022, pp. 58—74. (In Russ.)
18. *Fol'klor Dal'nerech'ya* [Folklore of Dalnerechye]. Comp. by L.M. Sviridova. Vladivostok, Izd-vo DVGU Publ., 1986, 288 p. (In Russ.)
19. *Fol'klor kazakov Sibiri* [Folklore of the Cossacks of Siberia]. Comp. by L.E. Eliasov, I.Z. YArnevskiy. Ulan-Ude, Buryatskiy filial SO RAN Publ., 1969, 364 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 30.05.2023